

• **психологический и морально-нравственный аспект:** 1) «интеллектуальная характеристика» (мудрая); 2) «особенности характера и поведения, нравственные качества» (ласковая, нежная, строгая, самоотверженная, жертвенна, бескорыстна). Стереотип матери характеризуется позитивной оценкой; в поговорках отмечается идеализация и сакрализация образа матери.

О. А. Кострова (г. Самара, Россия)

МОДАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОСЛОВИЦ С УСЛОВНЫМ КОМПОНЕНТОМ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Филологические интересы Т. С. Глушак охватывали широкий круг проблем, касающихся функциональной и прагматической стилистики и взаимодействия разноуровневых единиц языковой системы. Плодотворность разработанного ею подхода подтверждается многочисленными исследованиями в этом направлении. Предлагаемое исследование посвящено взаимодействию языковых единиц в фольклорном жанре «поговорка».

Среди огромной сокровищницы народной мудрости мы выбрали для анализа поговорку, выраженную сложными предложениями с придаточными условиями с целью сравнения модальных пространств в разных лингвокультурах. Однородность материала, необходимая для чистоты анализа, обеспечивается его прагматической адекватностью и полной или частичной структурной эквивалентностью.

Исследователи отмечают наличие в семантической структуре поговорок причинно-следственной связи [1]. Условие, оформленное придаточным предложением, как часть причинного комплекса широко представлено в поговорках немецкого и русского языков, что можно рассматривать как универсальное прагматическое свойство этой языковой формы. Более того, универсальны и когнитивно-прагматические группы поговорок, содержащие обуславливающий компонент. В нашей классификации критерием выделения таких групп послужила модальная прагматика. Соответственно этому критерию были выделены три группы поговорок, прагматику которых можно считать адекватной для обоих языков, хотя лексико-семантическое значение русских и немецких поговорок и их образность значительно различаются. Значительные различия наблюдаются и в структурном плане; именно эти различия создают лингвокультурную специфику модального пространства в каждом языке.

В первой выделенной нами группе поговорок передаются обусловленные закономерности. В обеих лингвокультурах они выражаются обобщенно. В немецком языковом сообществе значение обобщенности реализуется неопределенно-личным местоимением *man*, а также союзом *wenn*, совмещающим сему темпоральности, что позволяет осмыслить условие как повторяющееся. Ср.: *Wenn man vom Esel tratscht, kommt er gelatscht. Wenn die Katze aus dem Haus ist, tanzen die Mäuse auf dem Tisch.*

В русской лингвокультуре в условном придаточном типичны инфинитивные, обобщенно-личные или именные формы сказуемого, создающие неопределенность адресата. Эти формы могут употребляться и в синтаксически главном предложении. Условное придаточное может быть безглагольным, что особенно характерно для отрицательного условия. В многообразии предикатов, определяющих строй предложения, можно видеть типичную для русского языкового строя структурную вариативность.

Вариативные структурные варианты приобретают особые прагматические функции. Функцию инфинитивных предикатов А. Вежбицкая видит в том, что они не обеспечивают контроль над описываемым событием. Одно из описанных А. Вежбицкой значений реализуется в пословицах с условным компонентом; это значение интерпретируется как «ТО, ЧЕГО Я ХОЧУ, МОЖЕТ НЕ ПРОИЗОЙТИ» [2, с. 61]. Ср.: *Если косить языком, спина не устанет*. Интерпретация может выглядеть так: 'Говорящий, чтобы пощадить спину, хотел бы работать языком, но – вследствие отсутствия контроля – это у него не получается'. Другой пример с аналогичной интерпретацией: *Кабы знать, где упасть, так соломки бы припасть*. В этой функции типичны бессоюзные условные предложения с близким значением предсказания, закономерно вытекающего из условия: *Правду говорить – себе досадить* [3, с. 212]. Таким образом, инфинитив имплицитно скрывает модальность (не)реализуемого желания говорящего, которое обусловило бы позитивное/негативное следствие.

Прагматическая функция обобщенно-личных предикатов состоит в том, что «говорящий предлагает собеседнику приобщиться к чужому опыту, совместив свое Я с чужим в качестве исполнителя некоторого действия» [4, с. 106], имеющего отрицательное по смыслу следствие. В немецком языке в таких случаях используются неопределенно-личные предложения с подлежащим *man*, в которых собеседник скорее отстраняется от чужого опыта, поскольку этот опыт показывается со стороны [там же]. В обоих языках имплицитно скрывается запрет на обуславливающее действие, который в русской лингвокультуре проявляется более определенно за счет личной вовлеченности говорящего. Соответствующие пословицы различаются и по содержанию: в русском языке закономерности выводятся на основе жизненно важных действий, в немецком же обобщается опыт речевой деятельности. В русском пословичном фонде типичны бессоюзные предложения. Ср.:

Если много съешь, то и мед горьким покажется.   *Wenn man von der Wüste spricht, kommt das Kamel.*

За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.   *Wenn man vom Teufel spricht, kommt er gerannt.*

Русские безглагольные обуславливающие предложения отличаются эмоциональной насыщенностью: *Еда без вина – грош ей цена. Ежели босяк, повесят за пустяк*. Сема обобщенности, создаваемая номинативностью пропозиции придаточного, обогащает модальное пространство обусловленности и сопровождается скрытыми эмоциональными смыслами.

Ко второй группе мы отнесли пословицы, содержащие контрафактические или гипотетические условия. В них в обоих языках реализуются нереальные условные пространства. О невероятности условий в русской лингвокультуре свидетельствует не только их лексико-семантическое наполнение, но и употребление союза *кабы*, который возможен только в ирреальных контекстах. В немецкой лингвокультуре в этой группе встретила единственная пословица с безглагольной структурой главной части: *Hätte, hätte, Fahrradkette*. В обоих языках отмечается структурное варьирование, усиливающее экспрессию: в русском – это редукция частицы *бы* до *б* и ее повтор, в немецком редуцируется конъюнктивная форма *wär'*, кроме того используется сниженная лексика и «двойной» плюсквамперфект. Постпозиция придаточного придает условию гипотетический ограничительный, а иногда иронический оттенок. Ср.:

<i>Если б все равно, люди б лазили в окно, а то дверь прорубили.</i>	<i>Wenn das Wörtchen «wenn» nicht wär, wär ich längst schon Millionär.</i>
<i>Если бы мы «если» поставили на «если», то бы до неба долезли.</i>	<i>Hätte der Hund nicht gekackt, dann hätte er den Hasen gekriegt gehabt.</i>
<i>Если бы не бы, выросли бы грибы, да все белые бы.</i>	<i>Bauern hätten gut leben, wenn sie's wüssten.</i>
<i>Кабы не кабы да не но, были бы мы богаты давно/был бы генералом давно.</i>	<i>Dem Narren wäre zu helfen, wenn man die rechte Ader träfe.</i>
<i>Если б не мороз, то овес бы до неба дорос.</i>	<i>Das Recht wär' wohl gut, wenn man's nicht krumm machte.</i>

В третьей группе содержатся обусловленные поучения. Характерной особенностью является употребление в главном предложении императива. В немецком языке императив может заменяться модальными глаголами со значением необходимости, которое в русской лингвокультуре имплицировано в форме повелительного наклонения. Ср.:

<i>Если сидишь на печи, так побольше молчи.</i>	<i>Wenn du einen Freund brauchst, kaufe dir einen Hund.</i>
<i>Если щи хороши, другой нищи не щи.</i>	<i>Wenn es am besten schmeckt, soll man aufhören.</i>
<i>Дают – бери, бьют – беги.</i>	<i>Wenn man unter Wölfen ist, muss man mit ihnen heulen.</i>

Таким образом, сопоставительный анализ языковых единиц с адекватной прагматической функцией позволяет обнаружить скрытые модальные смыслы, которые эксплицируются в одной из лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулькова, М. А. К вопросу о содержательной структуре народных примет (на материале русского и немецкого языков) / М. А. Кулькова // Сопоставительная филология и полилингвизм: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф., Казань, 19–21 ноября 2014 г. / Казан. гос. ун-т. – Казань, 2015. – С. 182–185.

2. *Вежбицкая, А.* Русский язык / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание : Пер. с англ. ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. – М. : Русские словари, 1977. – С. 33–88.

3. *Попова, Л. В.* Бессоюзные сложные предложения с семантикой предсказания в пословицах русского языка / Л. В. Попова // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2001. – № 23. – С. 212–214.

4. *Бойкова, И. Б.* Я-пространство как компонент коммуникативного поведения и национальной семантики / И. Б. Бойкова // Русское и немецкое коммуникативное поведение / Вып.1, науч. ред. И. А. Стернин, Х. Эккерт. Воронеж : Исток, 2002. – С. 100–110.

Л. М. Лещёва (г. Минск, Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ШИББОЛЕТ

Русский язык чрезвычайно богат фразеологическими единицами (ФЕ) самых разных *тематических, структурных, семантических, стилистических и функциональных* видов, отражающими особенности его языковой структуры и самобытность культуры его носителей.

Высокий уровень владения русским языком как иностранным предполагает непереносимое знание русского фразекона, хотя полное овладение им в силу его сложности и многоаспектности вряд ли представляется возможным. Опасаясь проявления неполной семантизации русских фразеологических единиц, иностранцы, изучающие русский язык, обычно избегают их использования в своей речи, что делает её, однако, неэмоциональной, безликой, шаблонной.

Однако речь американского журналиста, прекрасно владеющего русским языком и прожившего в России более 20 лет, Майкла Бома, хорошо знакомого русскоязычной аудитории по телевизионным политическим ток-шоу программам, является в этом плане исключением: он весьма активно использует различные русские фразеологизмы в своей речи.

В исследовании использовались материалы двух интервью: «Мальчик для битья» журналиста газеты «Московский комсомолец» с Майклом Бомом, а также аналогичного интервью «В Англии я немножко outsider», взятого журналистом этой же газеты у бывшей советской/российской, а также британской журналистки Марии Слоним, внучки известного наркома иностранных дел СССР, проживающей в настоящее время в Великобритании.

Хотя напечатанное интервью не является истинно спонтанной устной речью, жанр этого публицистического стиля, тем не менее, благодаря диалоговой форме общения позволяет передать журналисту основные языковые особенности собеседника, особенно в случае портрета-интервью, направленного на раскрытие личности собеседника, каковыми и являются выбранные для исследования интервью.